

Джон Уэр

Процесс Мальмеди: отрицание очевидного

Оригинал: John Wear. The Malmedy Trial: Denial of the Obvious

Источник: <https://inconvenienthistory.com/9/4/5159>

Перевод с английского, 2020 г. На русском языке публикуется впервые!

Процесс по делу Мальмеди проходил с 16 мая по 16 июля 1946 года в Дахау перед военным трибуналом американских офицеров, действовавшим по правилам, установленным Нюрнбергским международным военным трибуналом (МВТ). [1] Американский историк Стивен П. Реми написал книгу под названием «Бойня у Мальмеди», которая оспаривает, что 73 немецких обвиняемых на этом процессе были осуждены неправомерно.

Реми в своей книге утверждает, что американские следователи не использовали физическое или психологическое давление для получения информации ни на одном из своих послевоенных судебных процессов. Реми пишет: [2]

Нет никаких доказательств того, что на североафриканском, европейском или тихоокеанском театрах американские дознаватели опирались на систематические формы физического и психологического давления для получения информации от комбатантов или гражданских лиц. Также нет убедительных доказательств того, что они делали это в ходе расследований военных преступлений после войны.

В этой статье будут задокументированы некоторые примеры физического и психологического давления, использованного в ходе процесса по делу Мальмеди и других американских послевоенных процессов.

Предсудительные послевоенные допросы

Сцена с показательного процесса Мальмеди

Вопреки утверждениям Реми, физическое и психологическое давление часто использовалось следователями во время послевоенных судебных процессов, проводившихся американцами. Американский еврей Бенджамин Ференц, адвокат, получивший юридическое образование в Гарварде в 1943 году, был откомандирован для расследования концлагерей в Бухенвальде, Маутхаузене и Дахау. [3] Ференц признает, что он использовал угрозы для получения признаний. Ференц рассказал историю о своём допросе одного полковника СС, во время которого он вытащил из кобуры пистолет, чтобы запугать подследственного: [4]

*Что поделать, когда он думает, что он все еще главный? Я должен показать ему, что главный здесь я. Все, что мне нужно сделать, это нажать на спусковой крючок и отметить его как *auf der Flucht erschossen* [расстрелян при попытке к бегству] ... Я сказал: «Вы в грязной форме сэр, снимите ее!» Я раздел его и выбросил его одежду из окна. Он стоял там голый полчаса, прикрывая свои яйца руками, совсем не похожий на офицера СС, которым он, как сообщалось, был. Тогда я сказал: «Теперь послушай, мы с тобой договоримся прямо сейчас. Я еврей – я бы хотел убить тебя и отметить тебя как *auf der Flucht erschossen*, но я сделаю то, что ты никогда не сделал бы. Ты сядешь и напишешь, что именно произошло – когда ты вошел в лагерь, кто там был, сколько погибло, почему они погибли, все остальное об этом. Или, тебе не нужно этого делать – ты не обязан – и ты можешь написать жене записку из пяти строк, и я постараюсь передать её» ... [Ференц получает желаемое заявление и продолжает:] Я потом подошел к кому-то снаружи и сказал: «Майор, я получил этот affidavit, но я не буду его использовать – это вынужденное признание. Я хочу, чтобы вы вошли, были с ним добры и попросили его переписать его».*

Второе написанное свидетельство, казалось, было в порядке – я сказал ему сохранить второе и уничтожить первое. Вот так это было.

Тот факт, что Ференц угрожал и унижал человека, которого ему было поручено допросить, а затем откровенно доложил об этом своему вышестоящему офицеру, показывает, что он действовал в рамках культуры, в которой такие незаконные методы были приемлемыми. [5] Любой выпускник факультета юриспруденции Гарвардского университета знает, что такие доказательства не могут быть допущены в любом суде, опирающемся на закон.

Адвокат защиты на процессе по делу Маутхаузена в Дахау настаивал на том, что подписанные признания обвиняемых, которые обвинение использовало как нельзя лучше, были получены от обвиняемых путем физического насилия, принуждения и обмана. [6] Ференц признает, что эти утверждения защитника были правильными: [7]

Знаете, как я получал показания свидетелей? Я пришел бы в деревню, где, скажем, сбитый американский пилот приземлился на парашюте и был избит до смерти, и выстроил всех у стенки. Тогда я бы сказал: «Все, кто лжет, будут расстреляны на месте». Мне никогда не приходило в голову, что заявления, сделанные под принуждением, будут недействительными.

Роберт Кемпнер был американским главным обвинителем на Министерском процессе (Дело Вильгельмштрассе), в котором обвиняемыми был 21 немецкий правительственный чиновник. (Так как немецкие министерства располагались в основном на берлинской улице Вильгельмштрассе, этот процесс также получил неофициальное название «Процесс Вильгельмштрассе» или «Дело Вильгельмштрассе». – прим. перев.) Кемпнер был немецким евреем, потерявшим работу в качестве главного юрисконсульта прусского полицейского управления из-за национал-социалистических расовых законов. Он был вынужден эмигрировать сначала в Италию, а затем в США. Кемпнер был озлоблен из-за всего того, что ему пришлось пережить, и охотно преследовал и осуждал немецких чиновников на государственной службе. [8]

Кемпнер подкупил помощника министра иностранных дел Германии, юриста и дипломата Фридриха Вильгельма Гауса, чтобы тот дал обвинительные показания на Министерском процессе. Стенограмма допроса Гауса Кемпнером свидетельствует о том, что Кемпнер убедил Гауса поменять роль подсудимого на роль соучастника обвинения. Гаус был освобожден из изоляции, а через несколько дней немецкая газета сообщила о длинном рукописном заявлении Гауса, в котором он признал коллективную вину немецкой правительственной службы. Кемпнер передал признание Гаусу газете. [9] Кемпнер также угрожал выдать Гауса Советам, если Гаус не будет готов сотрудничать с обвинением. [10]

Адвокат Чарльз Лафоллетт заявил, что «глупый, непохожий на действия настоящего юриста, метод допроса Кемпнера был общеизвестен в Нюрнберге все время, когда я был там, и против него протестовали те из нас, кто предвидел наступление однажды того дня, такого же, как у нас сейчас, когда немцы попытаются сделать мучеников из обычных преступников, представших перед судом в Нюрнберге». [11]

Кемпнер также пытался подкупить статс-секретаря Германии [Эрнста фон Вайцзеккера](#) во время Министерского процесса (Процесса Вильгельмштрассе). Однако фон Вайцзеккер мужественно отказался от сотрудничества. Рихард фон Вайцзеккер, который помогал защищать своего отца на суде, писал: «Во время разбирательства Кемпнер однажды сказал мне, что, хотя наша защита была очень хорошей, она страдала от одной ошибки: мы должны были превратить его, Кемпнера, в адвоката моего отца». Рихард фон Вайцзеккер чувствовал, что слова Кемпнера были всего лишь чистым цинизмом. [12]

Пытки подсудимых

Союзные прокуроры часто применяли пытки, чтобы помочь осудить подсудимых на Нюрнбергском и других послевоенных процессах. Одним из важных примеров применения пыток для получения доказательств является признание Рудольфа Хёсса, бывшего коменданта Освенцима. Показания Хёсса на Нюрнбергском процессе были наиболее важным доказательством немецкой программы уничтожения. Хёсс сказал, что более 2,5 миллионов человек были уничтожены в газовых камерах Освенцима, и что еще 500 тысяч заключенных умерли там по другим причинам. [13] Ни один защитник истории Холокоста сегодня не принимает эти завышенные цифры, и другие ключевые части показаний Хёсса в Нюрнберге давно уже почти всеми признаны не соответствующими действительности.

В 1983 году в антинацистской книге Руперта Батлера «Легионы смерти» было заявлено, что еврей-сержант Бернард Кларк и другие британские офицеры пытали Рудольфа Хёсса, чтобы тот сделал своё признание. Пытки Хёсса были исключительно жестокими. Ни Бернард Кларк, ни Руперт Батлер не находят в пытках Хёсса ничего плохого или аморального. Ни один из них, похоже, не понимает важности своих разоблачений. Бернард Кларк и Руперт Батлер доказывают, что показания Хёсса в Нюрнберге были получены под пытками, и поэтому не являются достоверными доказательствами создания и осуществления программы геноцида, якобы проводимой Германией против европейского еврейства. [14]

Бернард Кларк был не единственным евреем, пытавшим немцев для получения признаний. Тувья Фридман, например, был польским евреем, пережившим немецкие концлагеря. Фридман по его собственному признанию избивал до

двадцати немецких пленных в день, чтобы получить признательные показания и отсеять офицеров СС. Фридман говорил, что «Это приносило мне удовлетворение. Я хотел посмотреть, будут ли они плакать или молить о пощаде». [15]

Йозеф Киршбаум был также обвинён в физическом насилии на процессе по делу Мальмеди, когда немецкий заключённый Отто Айхлер обвинил Киршбаума в избиении. Проверка медицинской документации показала, что Айхлер получил травму, но доказать, что причиной этой травмы стал Киршбаум, не удалось. [16]

Лжесвидетельства

На большинстве американских судебных процессов по военным преступлениям использовались лжесвидетели. Стивен Ф. Пинтер служил прокурором армии США на американских процессах над немцами в Дахау. В своем аффидевите 1960 года Пинтер заявил, что «заведомо ложные свидетели» использовались для обвинения немцев в ложных и безосновательных преступлениях. Пинтер заявил: «К сожалению, в результате этих судебных ошибок многие невинные люди были осуждены, а некоторые казнены». [17]

Джозеф Хэлоу, молодой американский судебный корреспондент на судебных процессах в Дахау в 1947 году, позже описал некоторых лжесвидетелей на судебных процессах в Дахау: [18]

Основная часть свидетелей обвинения по делам концлагерей была известна как «профессиональные свидетели», и все, кто работал в Дахау, считали их таковыми. «Профессиональные», так как им платили за каждый день, когда они давали показания. Кроме того, им предоставлялось бесплатное жилье и питание, в то время как в Германии их часто было трудно получить. Некоторые из них пробыли в Дахау несколько месяцев, давая показания по каждому из дел концлагерей. Иными словами, эти свидетели зарабатывали себе на жизнь, давая показания для обвинения. Обычно это были бывшие заключенные из лагерей, и их сильная ненависть к немцам должна была бы, по крайней мере, поставить под сомнение их показания.

Как легко показывает изучение процесса Франца Кофлера, эти свидетели часто никогда даже не видели тех людей, против которых они давали показания! То, что они лгали в суде, ясно из внимательного прочтения материалов судебных разбирательств, поскольку их показания зачастую полны противоречий и несоответствий. [19]

Один такой неприятный пример лжесвидетельства произошел на судебных процессах в Дахау. Американский следователь Джозеф Киршбаум привел в суд Эйнштейна, бывшего заключенного лагеря, чтобы тот засвидетельствовал,

что обвиняемый по фамилии Менцель убил брата Эйнштейна. Менцель, однако, испортил эти показания – ему достаточно было лишь показать на брата Эйнштейна, сидящего в зале суда и слушающего историю собственного убийства. Киршбаум обратился к Эйнштейну и воскликнул: «Как мы можем привести эту свинью на виселицу, если вы настолько глупы, что привели своего брата в суд?» [20]

Использование лжесвидетелей было признано Йоханном Нойхойслером, который был борцом церковного сопротивления, интернированным в двух немецких концлагерях с 1941 по 1945 год. Нойхойслер заявил, что в некоторых американских судебных процессах «многие из свидетелей, возможно, 90%, были оплаченными профессиональными свидетелями с различными судимостями в диапазоне от грабежей до гомосексуализма». [21]

Уиллис Н. Эверетт-младший

Американский адвокат Уиллис Эверетт-младший младший был ведущим защитником на процессе по делу Мальмеди. Эверетт был убежден, что суд по делу Мальмеди был мерзостью с этической точки зрения. Около ста друзей Эверетта и еще некоторые американские военные советовали Эверетту забыть о деле Мальмеди и жить в настоящем. Однако чувство этики Эверетта поставило перед ним задачу добиться справедливости для подсудимых по делу Мальмеди. [22]

Эверетт и другой член группы защиты подготовили 228-страничную критику расследования и судебного разбирательства, заявив, что обвинительные приговоры по делу Мальмеди опирались, главным образом, на «незаконные и мошеннические признания». В петиции также утверждалось, что судебный процесс является попранием справедливости в отношении немецких солдат, поскольку союзники также виновны в тех же нарушениях международного права. Эверетт отправил этот документ в офис подполковника Клио Стрейта для включения во внутренний процесс пересмотра приговора, который был обязательным до того, как приговоры стали окончательными. [23]

Эверетт начал многовекторную кампанию судебных апелляций, гласности и давления со стороны Конгресса, чтобы добиться повторного рассмотрения дела Мальмеди. Эверетт подал петицию в Верховный суд США о повторном рассмотрении дела Мальмеди, но эта попытка оказалась неудачной. После этого Эверетт подготовил апелляцию в Международный суд в Гааге (МС). Эверетт знал, что было мало шансов на то, что Международный суд примет его дело, поскольку только государства могут быть участниками дел, рассматриваемых Международным судом. Международный суд предсказуемо отказался рассматривать апелляцию Эверетта по делу Мальмеди. [24]

Эверетт принес огромные личные и финансовые жертвы, чтобы освободить подсудимых по делу Мальмеди. Физические и эмоциональные нагрузки от процесса обжалования вызвали у Эверетта ухудшение здоровья и, по крайней мере, один инфаркт. Эверетт оценил свои расходы из собственных средств в 50 тысяч долларов, к которым надо добавить доход, потерянный им из-за того, что он на время оставил свою юридическую практику. Западногерманский консул в Атланте позже вручил Эверетту чек на 5000 долларов в качестве жеста признательности за его неутомимые усилия по защите подсудимых Мальмеди. [25]

Почему Эверетт пошел на такие большие личные и финансовые жертвы? Реми пишет: [26]

Эверетт также считал, что армия обращалась с ним непорядочно. Ему было поручено то, для чего у него не было достаточного опыта или времени, по его мнению, для подготовки дела. Хотя он и другие адвокаты защиты, тем не менее, вели защиту энергично и решительно, они проиграли дело, и очень плохо. Столкнувшись с перспективой вернуться в свою юридическую фирму в Атланте, находящуюся в бедственном положении, и в профессиональную неопределенность, он увидел в оспаривании результата судебного процесса по делу Мальмеди возможность личного и профессионального спасения. Не в последнюю очередь, тут была и возможность значительной финансовой выгоды, так как, по его мнению, у него была история, за которую пресса могла бы заплатить много денег.

Реми не приводит никаких документальных доказательств своего утверждения о том, что Эверетт оспаривал исход суда Мальмеди, видя в этом «возможность личного и профессионального спасения» и «возможность значительной финансовой выгоды». Эверетт получил бы гораздо большую финансовую и профессиональную выгоду, забыв о судебном процессе по делу Мальмеди и работая полный рабочий день в своей юридической фирме. Реми своими бездоказательными заявлениями пытается дискредитировать мотивы Эверетта, по которым он оспорил вердикт Мальмеди.

Заключение

Стивен Реми пишет: [27]

Создание и увековечение служащих самим себе мифов о прошлом остается одной из самых мощных культурных и политических сил в современном мире. Если им не противоречат, то такие мифы ожесточают сердца и препятствуют диалогу и примирению между отдельными людьми, общинами и целыми народами. Они блокируют поток честных и открытых аргументов о прошлом и его

значении для настоящего. Понимание взаимосвязи между конфликтом и памятью – индивидуальной и коллективной – всегда будет сложным и неубедительным. Смысл в том, чтобы продолжать иметь аргументы.

Реми прав в том, что у нас должны оставаться аргументы. Эти аргументы должны включать следующие слова американского адвоката Уоррена Маги, который служил защитником на Министерском процессе: [28]

«Око за око и зуб за зуб» – вот движущая сила судебных преследований в Нюрнберге. Хотя мне больно об этом говорить, но сотрудники прокуратуры, ее юристы, исследователи-аналитики, переводчики, клерки и т. д. в основном евреи. Многие – немцы, которые бежали из своей страны и только недавно получили американское гражданство. Еврейское влияние было даже очевидно на первом судебном процессе, названном МВТ. Зверства в отношении евреев всегда подчеркиваются больше всего... С преследуемыми евреями на заднем плане, руководящими разбирательством, судебные процессы не могут оставаться объективными, отрешенными от мстительности, личных обид и расовых желаний отомстить... Основные принципы были проигнорированы «новыми» американцами, многие из которых до глубины души пропитаны европейской расовой ненавистью и предрассудками.

Эти аргументы должны были бы включать также и следующее высказывание Бенджамина Ференца: [29]

Я был там для освобождения, как сержант в Третьей армии, армии генерала Паттона, и моя задача состояла в том, чтобы собрать документальные материалы лагеря и свидетельские показания, которые стали основанием для судебного преследования... Но суды Дахау были совершенно презренными. Там не было ничего похожего на верховенство права. Больше похоже на военные трибуналы. ... Например, они могли привести двадцать или тридцать человек, выстроить их, каждый с номером на карточке, привязанной к его шее. Суд состоял бы из трех офицеров. Ни у кого из них не было никакого юридического образования, насколько я могу понять. Это было бы случайностью, если бы у кого-то из них такое образование было. Одного офицера назначали защитником, другого – прокурором, старшего по званию – председателем суда. Прокурор вставал и говорил что-то вроде: Мы обвиняем всех вас в соучастии в преступлениях против человечности и военных преступлениях и жестоком обращении с военнопленными и в других жестокостях в лагере, между 1942 и 1943 годами, что вы можете сказать в свою защиту? Каждому подсудимому давали примерно минуту, чтобы сказать что-то о своем деле, как правило, то, что он невиновен. Например, один судебный процесс, который длился две минуты, осудил десять человек и приговорил их всех к смертной казни. Не так я представлял себе судебный процесс. Я был молодым идеалистом, выпускником Гарвардского университета.

Ференц заявляет, что никто, включая его самого, не протестовал против таких процедур в ходе судебных процессов в Дахау. [30]

Процесс Мальмеди, вероятно, был ближе к справедливому судебному процессу, чем приведенное выше описание Ференца. Но процесс Мальмеди все же не был справедливым и беспристрастным. Отсутствие документальных доказательств, использование имитаций судебных процессов и методов допроса, предназначенных для получения ложных признаний, военные судьи со слабой юридической подготовкой или вовсе без такой подготовки, а также ненадежные показания очевидцев обеспечили осуждение всех 73 немецких обвиняемых в процессе по делу Мальмеди. [31]

Примечания

[1] Parker, Danny S., *Hitler's Warrior: The Life and Wars of SS Colonel Jochen Peiper*, Boston, Mass.: Da Capo Press, 2014, стр. 148.

[2] Remy, Steven P., *The Malmedy Massacre: The War Crimes Trial Controversy*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2017, стр. 279.

[3] Stover, Eric, Peskin, Victor, and Koenig, Alexa, *Hiding in Plain Sight: The Pursuit of War Criminals from Nuremberg to the War on Terror*, Oakland, Cal.: University of California Press, 2016, стр. 32.

[4] Jardim, Tomaz, *The Mauthausen Trial*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2012, стр. 82-83.

[5] Там же, стр. 83.

[6] Jardim, Tomaz, *The Mauthausen Trial*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2012, стр. 6.

[7] Brzezinski, Matthew, "Giving Hitler Hell", *The Washington Post Magazine*, July 24, 2005, стр. 26.

[8] Weizsäcker, Richard von, *From Weimar to the Wall: My Life in German Politics*, New York: Broadway Books, 1997, стр. 92, 97.

[9] Там же, стр. 97-98.

[10] Maguire, Peter, *Law and War: International Law & American History*, New York: Columbia University Press, 2010, стр. 117.

[11] Frei, Norbert, *Adenauer's Germany and the Past: The Politics of Amnesty and Integration*, New York: Columbia University Press, 2002, стр. 108.

[12] Weizsäcker, Richard von, *From Weimar to the Wall: My Life in German Politics*, New York: Broadway Books, 1997, стр. 98-99.

[13] Taylor, Telford, *The Anatomy of the Nuremberg Trials: A Personal Memoir*, New York: Alfred A. Knopf, 1992, стр. 363.

[14] Faurisson, Robert, "How the British Obtained the Confessions of Rudolf Höss," *The Journal of Historical Review*, Vol. 7, No. 4, Winter 1986-87, стр. 392-399.

- [15] Stover, Eric, Peskin, Victor, and Koenig, Alexa, *Hiding in Plain Sight: The Pursuit of War Criminals from Nuremberg to the War on Terror*, Oakland, Cal.: University of California Press, 2016, стр. 70-71.
- [16] Remy, Steven P., *The Malmedy Massacre: The War Crimes Trial Controversy*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2017, стр. 141.
- [17] Sworn and notarized statement by Stephen F. Pinter, Feb. 9, 1960. Facsimile in Erich Kern, ed., *Verheimlichte Dokumente*, Munich: 1988, стр. 429.
- [18] Halow, Joseph, *Innocent at Dachau*, Newport Beach, Cal.: Institute for Historical Review, 1992, стр. 61.
- [19] *Там же*, стр. 312.
- [20] *Ibid*, стр. 312-313; see also Utley, Freda, *The High Cost of Vengeance*, Chicago: Henry Regnery Company, 1949, стр. 195.
- [21] Frei, Norbert, *Adenauer's Germany and the Past: The Politics of Amnesty and Integration*, New York: Columbia University Press, 2002, стр. 110-111.
- [22] Weingartner, James J., *A Peculiar Crusade: Willis M. Everett and the Malmedy Massacre*, New York: New York University Press, 2000, стр. 119, 138.
- [23] *Там же*, стр. 120-122.
- [24] *Там же*, стр. 150, 175, 181-183.
- [25] *Там же*, стр. 199, 220.
- [26] Remy, Steven P., *The Malmedy Massacre: The War Crimes Trial Controversy*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2017, стр. 130-131.
- [27] *Там же*, стр. 280.
- [28] *Там же*, стр. 134.
- [29] Stuart, Heikelina Verrijn and Simons, Marlise, *The Prosecutor and the Judge*, Amsterdam: Amsterdam University Press, 2009, стр. 17.
- [30] *Там же*
- [31] Remy, Steven P., *The Malmedy Massacre: The War Crimes Trial Controversy*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2017, стр. 58, 125.